

Во время обеда заглянул Вэй Цзунцзянь.

Увидев, что у Цзян Яня неплохое настроение и он съел кое-что из поданных сладостей и чая, Вэй Цзунцзянь успокоился, бросил пару напутственных слов Вэй Цзи и отправился на передний двор принимать остальных гостей.

После обеда Цзян Янь немного вздремнул на кровати Вэй Цзи.

Проснувшись, он увидел, что Вэй Цзи сидит с развернутым свитком книги в руках. Его опущенные брови и глаза были благородными и мягкими, светлые губы слегка сжаты, а выражение лица — сосредоточенным.

Вэй Цзи читал толстую «Исторические записки». Содержание было сухим и скучным, но если вчитаться, оно стоило того, чтобы изучить его как следует.

Он перевернул страницу и, заметив боковым зрением проснувшегося Цзян Яня, отложил книгу и спросил:

— Ваше Высочество проснулись, не хотите ли воды?

Цзян Янь, свернувшись калачиком под одеялом, покраснел от сна, а у висков вились несколько растрепанных прядей. Его взгляд, упавший на Вэй Цзи, был полон нежности и истомы — точь-в-точь как в те дни периода течи.

Вэй Цзи не выдерживал такого взгляда и смущенно отводил глаза.

Цзян Янь окончательно пришел в себя и спросил:

— Который час?

Где же тут заостренное лицо и тонкий нос?

Чистое лицо бравого воина.

Услышав, что Вэй Цзи собирается сделать по его подобию теньевую куклу, Цзян Янь загорелся энтузиазмом и при каждой возможности принимался вместе с Вэй Цзи рисовать эскизы.

Вэй Цзи сидел за письменным столом при тусклом свете желтеющей лампы и, держа кисть, скрупулезно, черта за чертой, вырисовывал портрет Цзян Яня.

Изготовление теневого кукол — ремесло чрезвычайно хлопотное. Сначала выбирают кожу,

обрабатывают ее, затем наносят рисунок, вырезают узор и раскрашивают.

Вэй Цзи обмакнул кисть в тушь и принялся усердно выводить линии на бумаге.

Повторив уроки, Вэй Цзи наконец выпил остывший отвар из женьшеня, оставивший во рту горьковато-сладкое послевкусие.

Дело это было непростое, но Вэй Цзи никуда не спешил, опасаясь совершить ошибку впопыхах.

Глядя на пиалу с отваром, он вспомнил умершую от болезни мать, и на душе у него стало тоскливо.

Цзян Янь подсел ближе и снова заглянул на бумажного человечка:

— Почему он выглядит таким остроносым и скуластым?

Он устроился совсем близко, его подбородок почти лежал на плече у Вэй Цзи, тонкие губы были крепко сжаты, а во взгляде читалась затаенная обида.

Вэй Цзи ответил:

— Пожалуй, время часа вай.

Цзян Янь нехотя поднялся, оделся и велел заново перевязать волосы.

Он недовольно протянул:

— Разве это похоже на меня? У меня должны быть брови мечом, звезды в глазах, широкое лицо с двойным подбородком — величественный вид.

Уходя, Цзян Янь прихватил с собой деревянный гребень Вэй Цзи и шпильку для волос.

Раз уж пообещал сделать для наследного принца теневую куклу, то и относиться к этому спустя рукава не стоило.

Цзян Янь прижался к нему боком, их одежды соприкоснулись, передавая тепло тел. Глядя на набросанный портрет, он нахмурился, сведя длинные брови.

Пришло время отходить ко сну, и Вэй Цзи, размяв плечи, погасил свечу, слез с кровати, умылся и лег спать.

Чтобы успеть в поместье маркиза на празднование дня рождения, Цзян Янь перенес утренние занятия на после обеда, ведь ему еще предстояло вернуться и слушать лекции тафу о государственном управлении.

Все это были привычные вещи, и раз уж принц захотел их забрать, Вэй Цзи не стал возражать, лишь слегка изумился.

* * *

То, что Цзян Янь смог приехать сегодня, оказал поместью маркиза большую честь. Магазин госпожа Вэй была бесконечно рада и вечером велела принести Вэй Цзи пиалу женшечного отвара, наказав как следует подкрепить силы, раз уж учеба отнимает так много труда.

Услышав похвалы Цзян Яня в собственный адрес, Вэй Цзи чуть изогнул губы и терпеливо пояснил:

— Нельзя рисовать слишком похоже, теневую куклу невозможно сделать настолько детальной.

Вэй Цзи переносил черты Цзян Яня на бумагу, чтобы потом перевести узор на кожу.

Тихонько он добавил:

— На бумаге выглядит не очень, а на коже, после резьбы, станет красиво.

Цзян Янь посмотрел на легкие складки у уголков глаз Вэй Цзи, чуть вздернутые вверх, где примостилась крошечная родинка.

Сердце его смягчилось, и он заговорил с неожиданным, бессознательным капризом:

— Во всяком случае, уродовать меня я тебе не позволю.

Вэй Цзи поспешно заверил:

— Не уродливо, Ваше Высочество может не беспокоиться.

Тогда Цзян Янь издал из носа недовольное хмыканье и, прильнув к боку Вэй Цзи, продолжил наблюдать за его работой.

Под пристальным взглядом Цзян Яня Вэй Цзи так растерялся, что не знал, куда девать руки и ноги. Ему казалось, что принц снова стал ужасно липучим, хотя период точки закончился совсем недавно.

Под надзором Цзян Яня Вэй Цзи потратил около полмесяца и в общей сложности нарисовал пять портретов на выбор.

Все они были почти одинаковыми, различаясь лишь позой и одеждой.

Повертев их так и эдак, Цзян Янь в конце концов остановился на первом.

Вэй Цзи решил в ближайшие дни побыстрее закончить с покраской, чтобы наконец перенести эскиз на кожу.

Цзян Янь не торопился. Посчитав, что Вэй Цзи за последнее время слишком напрягал глаза, он наотрез отказался продолжать и потащил его играть в поло, чтобы размять кости и как следует отдохнуть.

* * *

Вэй Цзи любил тишину, в верховой езде и стрельбе из лука смысла не смыслил и при одной мысли о них у него дрожали колени.

Предки рода Вэй завоевали империю, сидя верхом на конях рядом с императором Гаоцзу. Вэй Цзунцзянь тоже служил в армии, а потому вполне закономерно полагал, что старший сын и наследник должен унаследовать его дело и послужить родине на поле боя.

Вот только Вэй Цзи к этому предрасположен не был: в детстве, завидев боевого коня, он не то что не смел взобраться на него, но при малейшем приближении в испуге прятался за спину отца.

Видя такое, Вэй Цзунцзянь выходил из себя:

— Ума не приложу, в кого ты уродился.

Мать Вэй Цзи была женщиной-лекарем — смелой и внимательной. Для нее не составляло труда подняться в горы за травами или расставить ловушки на зверя, и даже гноящиеся, разлагающиеся раны не внушали ей страха.

Вэй Цзунцзянь в свое время и прельстился ее отважным характером, однако после свадьбы они то и дело ссорились из-за ее излишней независимости.

Как ни парадоксально, в юности он презирал нежных и кротких столичных девиц, а после смерти первой жены взял в жены именно такую женщину, и жизнь их потекла на редкость ладно.

Брошенная Вэй Цзунцзянем фраза о том, что он не знает, в кого уродился сын, повергала Вэй Цзи в глубокое смятение.

Пожалуй, он унаследовал от родителей лишь недостатки.

Заметив, что в военном деле сын безнадёжен, Вэй Цзунцзянь махнул на него рукой, позволив идти по пути учебы и сдачи чиновничьих экзаменов.

Но позже Вэй Цзи стал компаньоном наследного принца и исподволь научился ездить верхом и стрелять из лука.

Цзян Янь обожал развлечения и, за исключением учебы, преуспел во всем.

В первый год по прибытии в Восточный дворец Вэй Цзи, ничегошеньки не умея, мог лишь со стороны наблюдать, как Цзян Янь и остальные разминаются на плацу.

Фан Иань знал, что принц равнодушен к поло, усердно тренировался и играл изрядно хорошо, чем какое-то время снискал немалую милость Цзян Яня.

Не умевший держаться в седле Вэй Цзи ждал в стороне — остальные три компаньона находились на плацу, и он не смел уйти.

Еще через год Цзян Янь прошел вторичное разделение и стал янганем. Его нрав испортился, и окружающие стали заставлять Вэй Цзи крутиться возле принца.

Со временем они сблизились, и Цзян Янь принялся лично обучать его верховой езде, стрельбе из лука, игре в туху и поло.

Вэй Цзи учился очень медленно, к тому же сказывались детские страхи, заложенные Вэй Цзунцзянем, — в глубине души он до дрожи боялся этих занятий.

Тогда Цзян Яню было всего четырнадцать, терпения ему не доставало, нрав был вспыльчивым, и, если у Вэй Цзи что-то не получалось, он выходил из себя.

Вэй Цзи бледнел от страха, понунив голову, напрягая плечи и трепеща ресницами.

Видя такое, Цзян Янь чувствовал неприятный ком в горле, гнев утихал, и он велел переставить мишень ближе.

Цзян Янь поправлял позу, в которой Вэй Цзи натягивал тетиву, объяснял, как нужно стрелять

и какие мышцы задействовать.

На этот раз мишень стояла совсем близко — не было и чжана, — и Вэй Цзи поразил ее с первого раза.

Когда он привык к этому расстоянию, мишень отодвинули чуть назад, и Цзян Янь велел продолжать тренировку.

Так, шаг за шагом осваивая стрельбу, Вэй Цзи наконец научился попадать в цель с нормальной дистанции, а во время какой-то из осенних охот даже сумел немного блеснуть своими умениями.

Теперь его меткость была безупречна, он бил без промаха, но стоило мишени задвигаться взад-вперед, как точность неизменно падала.

Впрочем, и это было неплохо: когда Вэй Цзи впервые попал в яблочко, Вэй Цзунцзянь невероятно обрадовался и у него вновь проснулось желание обучить сына боевым искусствам.

Но Вэй Цзи и впрямь не был к этому годен, и после нескольких попыток отец окончательно оставил эту затею.

* * *

В династии Даюнь поло пользовалось огромной популярностью, в то время как простолюдины предпочитали цуцзюй.

На заднем дворе Восточного дворца располагался плац, предназначенный специально для воинских тренировок и конной стрельбы наследника. Поле для поло было утрамбовано смесью глины и масла — прочное и устойчивое к трещинам.

Цзян Янь вел в поводу рыжего коня и взглядом велел Вэй Цзи подниматься в седло.

Не смея медлить, Вэй Цзи поставил ногу на стремя и взлетел на спину животного.

Цзян Янь не спешил отдавать поводья, а провел коня шагом пару кругов, чтобы Вэй Цзи привык к нраву скакуна.

— Ваше Высочество, — смущенно произнес Вэй Цзи, — я уже готов.

Он играл в поло вместе с Цзян Янем уже несколько лет, но все еще садился в седло только тогда, когда кто-то вел коня под уздцы.

Видимо, детское воспоминание о том, как Вэй Цзунцзянь сбросил его на землю, оставило столь жуткий след, что Вэй Цзи панически боялся огромных лошадей всем естеством.

— Сначала сыграем гейм для разминки, не бойся, — наставительно произнес Цзян Янь и наконец передал поводья Вэй Цзи.

Тот судорожно вцепился в ремни и робко отозвался.

Цзян Янь вскочил в седло, евнух подал клюшку для поло, и принц, подцепив мяч, звонко ударил по нему.

Мяч покатился к Вэй Цзи. Тот пару раз ткнул в него клюшкой, а затем отослал обратно к копытам коня Цзян Яня.

Поиграв так некоторое время и почувствовав уверенность — уже не испытывая прежней скованности, — Вэй Цзи перестал тушеваться, и Цзян Янь взмахом руки дал знак выходить на поле остальным всадникам.

Головы лошадей украшали разноцветные шелковые ленты: красные составляли одну команду, синие — другую, по четыре человека в каждой.

Вэй Цзи и Цзян Янь играли за одну команду.

Цзинь Жуйфу ударил в гонг, трижды взмахнув колотушкой, и матч начался.

Зная, что Вэй Цзи плох в коневодстве и верховой езде, стражники поддавались ему: стоило ему с клюшкой наперевес погнаться за мячом, как остальные приостанавливали бег.

И все же управлялся с мячом Вэй Цзи неуклюже: сделает удар — мяч прокатится чуть вперед, он подъедет ближе и ударит снова. Цзян Янь, придерживая коня за поводья у самых ворот, наблюдал, как Вэй Цзи неумело ведет мяч, но не подгонял его, терпеливо ожидая, пока тот наконец перебросит мяч через поле.

Первый тайм выдался донельзя скучным: застоявшиеся кони били передними копытами о землю и скучающе фыркали.

Лишь Вэй Цзи покрылся липким потом и тяжело дышал, словно уставший бык.

Цзян Янь затеял это лишь для того, чтобы тот немного подвигался и не превратился в тех бледнолицых книжников, что целыми днями просиживают штаны над фолиантами и задыхаются после трех шагов.

Чтобы иметь крепкое здоровье, необходимо заниматься спортом.

Увидев, что Вэй Цзи выбился из сил, Цзян Янь не стал его неволить и велел отдохнуть в стороне за чашкой чая.

Как только Вэй Цзи покинул поле, матч начался по-настоящему.

Зная, что наследный принц терпеть не может снисходительности, стражники были во всеоружии.

Облаченный в охотничий костюм Цзян Янь был перепоясан черным кожаным кушаком, подчеркивающим его тонкую и гибкую талию. Глубокие глаза, длинные ресницы, прямой нос и тонкие губы придавали ему гордый и дерзкий вид.

Цзян Янь взмахнул клюшкой и, опуская ее, бросил:

— Победителям — награда! Тому, кто отобьет мяч у меня, награда удваивается!

Услышав это, стражники воодушевились.

Цзян Янь натянул поводья, крепко сжав бока коня ногами, и породистый скакун издал зычный крик, вскинув голову.

Дул пронизывающий северный ветер, по небу неслись серые тучи, а Цзян Янь мчался на коне по плацу, испуганно взмахивая клюшкой.

Этот пылкий, полный воодушевления юноша казался совсем не похожим на того, кто еще пару дней назад сворачивался калачиком рядом с ним и бормотал: уродовать меня я тебе не позволю.

Стоя за пределами поля и глядя на исполненного молодецкой удали Цзян Яня, Вэй Цзи какое-то время не мог подобрать слов для своих чувств.

<http://bllate.org/book/18661/1799240>